

УДК 94(47).084.1-2

EDUARD IZRAILEVICH KOLCHINSKY

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of the History of the Evolutionary Theory and Ecology,
St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute
for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.
199064, Russian Federation, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 5.
E-mail: ekolchinsky@yandex.ru*

The Metropolitan University in Conditions of Socio-Political Crises

(Review of monograph by E.A. Rostovtsev «The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – beginning of the XX century). (Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.)

This review represents the book by Evgeny Rostovtsev «The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society and Power (second half of the XIX – beginning of the XX century)» which can be regarded as a significant contribution to the historiography of higher education. The book reveals in detail the behavior of the professorial corporation in conditions of socio-political crises. The author created a collective portrait of students and professors, exploring different aspects of University life in the socio-cultural context. The review focuses on the period of the First World War and the 1917 Revolutions, when the corporate traditions and educational practices had been breaking and the University had to find a new identity in the relationship with regional and central authorities, as well as in the cultural environment of the capital. I would suggest the author to continue the research on the contribution of the University scientists in the mobilization of science.

Keywords: *university, studentship, professorship, corporate traditions, educational practices.*

ЭДУАРД ИЗРАИЛЕВИЧ КОЛЧИНСКИЙ

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий сектором истории эволюционной теории и экологии,
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5.
Тел.: 517-86-122, e-mail: ekolchinsky@yandex.ru*

В статье анализируется книга Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX вв.)», которая оценивается как весомый вклад в историографию высшего образования. Книга в деталях раскрывает поведение профессорской корпорации в условиях социально-политических кризисов. Автор создал коллективный портрет студенчества и профессуры, исследуя различные аспекты университетской жизни в широком социально-культурном контексте. В рецензии основное внимание уделено периоду Первой мировой войны и Революций 1917 г., когда шла ломка корпоративных традиций и образовательных практик и университет должен был искать новую самоидентификацию во взаимоотношениях с региональными и центральными властями, а также в культурной среде столицы. Я бы рекомендовал автору продолжить исследование вклада ученых университета в мобилизацию науки.

Ключевые слова: *университет, студенчество, профессура, корпоративные традиции, образовательные практики.*

Столичный университет в условиях социально-политических кризисов

(Рецензия на монографию Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX века)» (М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.)

В последнее десятилетие историография российской высшей школы обогатилась несколькими первоклассными трудами, в том числе на немецком и английском языках. Наряду с фундаментальными трудами классика в этой области А.Е. Иванова [1; 2] появились содержательные

работы А.Ю. Андреева, А.Н. Дмитриева, А.В. Ганина, А.Н. Еремеевой, Е.А. Ростовцева и др. В какой-то степени это связано с многолетней плодотворной деятельностью геттингенского историка Труде Маурер (Trude Maurer), сумевшей в начале 2000-х мобилизовать тогда еще молодых и талантливых отечествен-

ных ученых на компаративное изучение российских и немецких университетов [3; 4]. Для их работ стало характерным умелое использование новейшей методологии историко-научных исследований, включая различные приемы сравнительного, социально-культурного, институционального, когнитивного и историко-антропологического анализа, с опорой на огромный массив архивной информации, впервые вводимой в научный оборот, и на большое количество опубликованных источников, публицистики, литературы. Только в этом году вышли замечательная книга краснодарского историка науки А.Н. Еремеевой о сложной судьбе российских ученых в провинции в годы Гражданской войны [5] и рецензируемая книга петербургского историка Е.А. Ростовцева уже о столичном университете в годы жесточайших социально-экономических и идеолого-политических кризисов, увидевшая свет в одном из ведущих отечественных издательств по социально-политической и исторической литературе (РОССПЭН) [6]. На самом деле тематика книги гораздо шире. По существу она посвящена всему научному сообществу имперского Санкт-Петербурга, так как профессорский корпус университета был весомо представлен и в Академии наук, и в других ведущих научных и образовательных учреждениях столицы.

Прежде всего, хотелось бы отметить огромную историографическую базу исследования. Об объеме использованных автором материалов можно судить только по спискам опубликованных источников (35 стр.) и литературы (64 стр.), занявшим в совокупности ровно 100 страниц [6, с. 774–874], и по впервые вводимому в научный оборот огромному массиву документов из 38 фондов 11 архивов. В именном указателе представлено более 2 000 фамилий. И при этом весь текст книги, занявший 56,5 печатных листов, написан лапидарным стилем.

Книга включает 9 глав, помимо вводной ««Университетский вопрос» в столице Российской империи. Проблемы и задачи работы» [6, с. 8–104], в которой дан подробный библиографический обзор отечественной и зарубежной литературы, что позволяет судить об оригинальности исследования и четко определить избранную автором методологию как синтез традиций отечественных работ по истории высшей школы и новейших мировых наработок в этой области. Эта методология дала возможность автору уверенно обрисовать и проанализировать основные черты социального портрета и традиций корпорации столичного университета как системы непростых взаимоотношений студенчества и профессорско-преподавательского корпуса, выступавших в то же время солидарно за стенами университета, особенно во взаимодействиях с центральной и городскими властями. Этим вопросам посвящены первые шесть глав книги, составляющих ее добрую половину.

Беспрецедентным для отечественной историографии науки и образования является выполненное во второй главе комплексное просопографическое исследование университетской корпорации [6, с. 143–205]. Глава снабжена 29 таблицами

и 8 диаграммами, суммирующими основные черты коллективной биографии профессорско-преподавательского корпуса в целом и его состава на отдельных факультетах. По точности аргументации и приводимым данным эта работа сравнима с практикой естественнонаучных сочинений. Свежо и по-новому написаны другие разделы книги, в том числе и глава 3 [6, с. 206–315], посвященная, казалось бы, традиционной и хорошо изученной теме революционности студенчества столичного университета и его взаимодействиям с профессурой. Много ценных суждений и материалов содержится также в главах 4–6 [6, с. 316–402], в которых анализируются: корпоративные традиции и практики, основные направления «борьбы за культуру», место университета в городском ландшафте, взаимоотношения университета с властью, различные эпизоды борьбы за автономию и самоуправление и многое другое.

Вторая половина книги (главы 7–9) содержит многоаспектный анализ ключевых событий истории столичного университета в социально-политическом пространстве России и борьбы за университетскую автономию начиная с середины XIX в. и кончая его окончательной советизацией в 1922 г. Автор уделяет особое внимание интенсивным попыткам университетской корпорации добиться автономии и самоуправления, а также активной роли профессорско-преподавательского корпуса, воспринимавшего себя не только интеллектуальной, но и общественно-политической элитой во всех сферах общества, что особенно ярко сказалось в антиправительственных выступлениях 1905 г. и позднее в противостоянии Министерству народного просвещения. Традиционно в литературе основное внимание уделяют разгрому Императорского Московского университета, учиненному Л.А. Кассо в 1911 г., забывая, что в эти события была вовлечена и столичная профессура, а ряд ректоров Санкт-петербургских вузов были уволены, в том числе и ректор университета Д.Д. Гримм. Именно в предвоенном противостоянии с властью с наибольшей силой проявилась противоречивая социальная функция столичной профессуры как слуг правительства и как его интеллектуальной оппозиции. В то же время вряд ли стоило здесь выделять какую-то особую социальную роль университетской профессуры. Ведь большинство ее представителей в предвоенные годы работали одновременно в разных научных и образовательных учреждениях столицы, включая Императорскую Академию наук, в бюро и лабораториях различных министерств и даже входили в состав правительства и т. д.

Особый интерес вызывает 9-я глава «Башня из слоновой кости» [6, с. 664–765], посвященная событиям 1914–1922 гг. В ней рассказано о последних годах существования дореволюционного столичного университета с его претензиями на некую абсолютную автономию и самоуправление профессуры, при бесправии приват-доцентов, и сохранении полного государственного финансирования и с политическими амбициями значительной части профессуры, ощущавшей себя носителями передовых идей в

России. Автор впервые дал подробный и содержательный анализ различных попыток мобилизовать естественные и гуманитарные науки в университете на решение военно-оборонных задач, связанных со стремлением эмансипироваться от немецкой зависимости не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в научной сфере. Особого внимания заслуживают выявленные автором особенности академического или профессорского «патриотизма», своеобразие столичной профессуры в пресловутой «войне умов», роль крупных университетских химиков в создании оборонных предприятий, в разработке химического оружия, в производстве лекарств и т. д. Интересен и материал о причинах противодействия университета учреждению медицинского факультета.

В свете 100-летнего юбилея революционных событий 1917 г., а также современных реформ фундаментальной и университетской науки особенно актуально звучит краткий, но весьма содержательный и емкий анализ краха прежнего корпоративного уклада имперского университета, завершившегося утратой автономии и разрушением многих структур. Мне представляется точным вывод автора о том, что уже к осени 1917 г. многие профессора и приват-доценты стали осознавать, что наличие свободы не компенсирует отсутствие денег «... в условиях анархии и разрухи академическая свобода и университетская автономия» мало что давали, и профессура университета оказывалась всё более оторванной от «ориентиров массового сознания революционной эпохи» [6, с. 731]. К тому же, как вскоре выяснилось, студенчество отнюдь не было склонно следовать лозунгу «надклассового патриотизма» и выражало недовольство тем, что демократия была введена только для профессуры, воспринимая это как обман со стороны учителей.

К сказанному следовало бы добавить следующее: как это быстро выяснилось после Октябрьской революции, только новая власть была способна в какой-то степени оградить профессуру столичного университета от масс в дни их разгула. Об этом хорошо сказано в воспоминаниях И.В. Егорова, опубликованных недавно О.А. Гавриловой и В.В. Петровым [7, с. 232] и освещающих мотивы поведения Э.Д. Гримма и А.А. Шахматова в декабре 1917 г., когда только большевики проявили «волю к власти», университетская профессура, и прежде всего члены физико-математического факультета, пошла на сотрудничество с новыми властями, несмотря на глубокие идеолого-политические разногласия. О трагической дилемме академического сообщества в те дни свидетельствуют и идейно-административные метания другого знаменитого универсанта – непременного секретаря РАН, академика С.Ф. Ольденбурга [8, с. 68–76; 9, с. 170–173].

В то же время многие представители гуманитарных дисциплин понимали отсутствие такой перспективы и эмигрировали. И здесь особый интерес представляет попытка дать коллективный портрет преподавательской эмиграции, представленный

также в таблицах и диаграммах. Было бы очень интересно дополнить его списком профессоров, умерших в годы Гражданской войны или погибших в последующих репрессиях. Но и приведенные данные ужасают масштабом урона, нанесенного гуманитарным и социально-экономическим отраслям знания.

Многоаспектное новаторское исследование Е.А. Ростовцева неизбежно стимулирует к дискуссии. В частности, трудно согласиться с тем, что успехи Военно-химического комитета Русского физико-химического общества (РФХО) свидетельствуют об эффективности «гражданской самоорганизации научного сообщества, институциональные основания для которой были заданы установками и атмосферой университетской автономии, а также либерально-патриотическими ценностями, разделяемыми подавляющим большинством российского ученого сословия» [6, с. 702]. На мой взгляд, эти успехи в мобилизации химии на нужды обороны скорее связаны с тем, что еще до войны членами Химического отделения РФХО были генералы (Г.А. Забудский, В.Н. Ипатьев, И.А. Крылов и т. д.), тесно связанные с военными ведомствами и обеспечивавшие финансирование исследований общества и его предпринимательскую деятельность. Все они были профессиональными военными, монархистами по убеждению и мало походили на либералов и жильцов «Башни из слоновой кости». Напротив, будучи военными по образованию и основной службе, они были приверженцами жесткой дисциплины, лояльными любой власти и тесно связанными с разнообразными правительственными ведомствами, Ставкой и Особыми совещаниями. Именно они после Октября легко сменили генеральские мундиры на красноармейские гимнастерки.

Дух университетской корпорации не помог членам Физического отделения РФХО, не явившим успеха в оборонных проектах в те годы, хотя их представители (А.П. Афанасьев, А.Ф. Иоффе и Д.С. Рождественский) также вошли в Комитет военно-технической помощи. Членам Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, в том числе и секции геологии, имевшей не меньшую оборонную значимость, чем химия, также не удалось избежать упадка деятельности общества в годы войны и революции, хотя во главе и самого общества, и его секций стояли крупные ученые и известные общественно-политические деятели (И.П. Бородин, В.И. Вернадский, А.А. Иностранцев и т. д.).

Успех Военно-химического комитета в значительной степени был обусловлен тем, что уже к началу войны многие лидеры РФХО имели прочные связи с промышленниками, военными, правительственными чиновниками, благодаря которым они быстро интегрировались в проекты военного времени, как, например, налаживание производства взрывчатых веществ, химического оружия, лекарств, очищение исходных материалов и т. д. Немалую роль играло их столь тесное сотрудничество с Комиссией по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) и Химиче-

ским комитетом, что нередко одни и те же ученые одновременно входили в два или даже во все три эти учреждения (В.Н. Ипатьев, А.Е. Фаворский, А.Е. Ферсман и др.), ставшие символами мобилизационной науки. Особенно важную интегрирующую роль играл В.Н. Ипатьев, олицетворявший в своем лице теоретическую и прикладную химию, гражданское и военное высшее образование, академическую науку, военное ведомство и промышленность. Но вряд ли его следует считать типичным представителем университетской профессуры, хотя с 1902 г. он читал в университете спецкурс по термодинамике. Более тесно Ипатьев был связан с Михайловской артиллерийской академией, Главным артиллерийским управлением, Академией наук и пр. В общем достаточно сложно провести грань, где успех того или иного ученого был связан с его принадлежностью к университетской корпорации, а где обусловлен статусом в других учреждениях и в правительственных ведомствах. Существуют десятки других университетских ученых, которые с не меньшим основанием ассоциируются с военными проектами, реализуемыми в столичных Политехническом институте, Технологическом институте, Институте инженеров путей сообщения и т. д.

Не совсем точным представляется утверждение о том, что война профессорами «воспринималась, прежде всего, как инструмент реализации определенных политических и корпоративных ценностей, важных для преподавательского корпуса» [6, с. 702]. Здесь явно преувеличена однородность целей, особенно политических, всего профессорско-препода-

вательского корпуса, значительная часть которого состояла одновременно членами Императорской Академии наук, и там их «академический патриотизм» был более дифференцирован, да и спектр политических взглядов был достаточно широк даже в самом ее руководстве.

Символично, что книга Ростовцева вышла в столетний юбилей Революции 1917 г., буквально через три месяца после фундаментального издания, посвященного 100-летию юбилею другого несбывшегося проекта «Русская наука», в котором участвовали многие ведущие профессора Петроградского университета. 1917 год положил конец профессорско-преподавательскому корпусу, мечтавшему об автономности и самоуправляемости и претендовавшему на интеллектуальный центр в столичном городе [10, с. 115–137]. Вскоре Петроград перестал быть столицей. Да и интеллекту в условиях идеологического тоталитаризма и красного террора стало некомфортно.

В целом книга Е.А. Ростовцева является значимым, фундаментальным и новаторским исследованием. Помимо отмеченных достоинств в содержательном плане, ее отличает удивительно яркий и образный и в то же время точный, современный научный язык, напоминающий лучшие образцы отечественной и зарубежной историографии. Книга является существенным вкладом в отечественную историографию и имеет огромное значение для понимания истории отечественной науки и образования в периоды острых социально-политических и экономических кризисов.

Литература и источники

1. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 360 с.
2. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 649 с.
3. Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Maurer T. (Hrsg.). Stuttgart: Franz Steiner, 2006. 376 S.
4. Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. 527 с.
5. Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Издатель И. Платов, 2017. 208 с.
6. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
7. Гаврилова О.А., Петров В.В. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский/Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И.В. Егорова // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 227–256.
8. Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 249 с.
9. Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 2. С. 166–176.
10. Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука») / отв. ред. Ю.М. Батурич. М.: СПб.: Перо, 2016. 847 с.

References

1. Ivanov A.E. *Mir Rossiiskogo studentchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [The World of the Russian Students. The end of the 19th – the beginning of the 20th century]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2010, 360 p.
2. Ivanov A.E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiiskoi Imperii. XVIII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiia professorov i prepodavatelei vysshei shkoly* [Academic Dignity in the Russian Empire. 18th – the beginning of the 20th century. Preparation and Certification of Scientific Professors and High School teachers]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2016, 649 p.
3. Maurer T. (ed.) *Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg*. Stuttgart: Franz Steine Verlag, 2006. 376 S.

4. Maurer T. «Barometry» ili «mayaki» obshchestva? Izbrannye stat'i po sotsial'noi istorii russkikh i nemetskikh universitetov [«Barometers» or «Beacons» of Society? The Chosen Articles on Social History of the Russian and German Universities]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, 527 p.
5. Ereemeeva A.N. «Nakhodyas' po usloviyam vremeni v provintsii...»: praktiki vyzhivaniya rossiiskikh uchenykh v gody Grazhdanskoj voiny [«Being under the Terms of Time in the Province...»: Survival Practices of the Russian Scientists in the years of Civil War]. Krasnodar, I. Platon Publ., 2017, 208 p.
6. Rostovtsev E.A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – beginning of the XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.
7. Gavrilova O.A., Petrov V.V. «Nado udelit' pervostепенное внимание izucheniyu proshlogo universiteta...»: Petrogradskij/Leningradskij universitet 1918–1931 gg. v vospominaniyakh I.V. Egorova [«It is necessary to pay paramount attention to studying of the past of university...»: The Petrograd/Leningrad university of 1918–1931 in I.V. Egorov's memoirs]. *Noveishaya istoriya Rossii* [The Contemporary history of Russia], 2014, no. 2, pp. 227–256.
8. Kaganovich B.S. *Sergei Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii* [Sergey Fedorovich Oldenburg. Experience of biography]. St. Petersburg, Feniks Publ., 2006, 249 p.
9. Kolchinsky E.I. *Akademiya nauk i russkie revoliutsii 1917 goda* [Academy of Sciences and the Russian Revolution of 1917]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 87, no. 2, pp. 166–176.
10. Baturin Iu.M. (ed.) *Sud'ba proekta «Russkaya nauka» 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»)* [The Fate of the project «Russian science» 1916–1920 (the 100th Anniversary of the Commission on the Publication of «Russian Science»)]. St. Petersburg, Moscow, Pero Publ., 2016, 847 p.

© Клио, 2017

© Колчинский Э.И., 2017